

* * *

Дед всегда говорил маме:
не называй их нашими именами.
Как, – придёт время, – ты Кать и Алёш
пустишь под нож?

Какая Варька, какой Борька?
Называй Рябина, называй Зорька,
да хоть Ласточка, хоть Лебеда.
Но нашими – никогда.

Поэтому до четвёртого класса
я дружил с Кувшинкой, любил Водокраса,
носил в стойло Эльфу сахар и мел,
а с людьми дружить не хотел.

* * *

По тропе над глубоким оврагом,
мимо церкви Предтечи, что наверху,
мы спускались осторожным шагом
с кладбища, где надгробья во мху.

Вдоль тропы тянулась сигнальная лента,
над обрывом качалась тополиная взвесь.
Мы остановились у информационного стенда
с надписью «Вы находитесь здесь».

Десятью минутами ранее,
проходя кладбищенский квест,
ты обратила внимание
на приставленный к дереву крест.

Прямоугольник латуни

на проволоке повис.

Ржавый крест мы зачем-то в траву воткнули
и спустились вниз.

Здесь Москва-река, голоса и лица,
здесь хохочет в компании жизнелюб,
а поодаль над мёртвой живая птица
раскрывает клюв.

Вы находитесь здесь.

Вот дорога к воротам,

водяная мельница, кассы, храм.

За реки неестественным поворотом
всё кончается.

Мы находимся там,

где деревья свисают чёрно́ и плотно,
собирая сумерки по частям,
и светящийся череп поочерёдно
примеряют к острым своим костям.

* * *

Выезжали в ночи на Прилуки,
где качался фонарь у забора,
пожимали некрепкие руки,
до рассвета вели разговоры.

Николай Емельянович Смертин,
сорок третьего года рожденья,
хлебосолен был и милосерден,
водку выставил, чай и варенье.

Провожать вышел в пыльнике летнем,
с Рождеством поздравляя, с Новым годом,
говорил, что он будет последним
для него, что позвали за мёдом.

Кто позвал и куда? Не ответил,
усмехнулся: за ёлочным мёдом.
И стоял, раскосмачен и светел,
и исчез за вторым поворотом.

* * *

Через поле ушёл под Зубцовом
без ножа в грибно-ягодный лес,
и как в триллере образцовом
под Зубцовом бесследно исчез.

Две недели прошло, на работу
не вернулся, не вышел на связь.
То ли срезать решил по болоту,
то ли мина с войны дождалась.

Снег январский всё валит и валит,
берега заметает реки.
Воют волки, не спит «Лиза Алерт»,
бродят с ружьями лесники.

Приезжала сестра из Ростова,
экстрасенса в Зубцов привезла.
Он то слушает Круга, то снова
на сестру матерится со зла.

На закате кровавятся кроны,
а под утро выходят в поля
в сапогах переростки-вороны
и дрожит за Вазузой земля.

* * *

Л. Ю.

А что за этими коробками?
Листва и комьями земля,
травинки с божьими коровками,
шмели, обрезки горбыля.

А для чего забор и лестница?
Оттуда прилетает мяч,
когда засушливые месяцы
и ветер резок и горяч.

А дальше? Поле мать-и-мачехи,
берёзы, редкие кусты,
канава, солнечные зайчики,
кукушки, ласточки, кресты.

А что за ними, мне неведомо,
ни разу не ходил туда,
быть может, что-нибудь из этого:
огонь, сиянье, пустота.